

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

СТУПЕНИ МАСТЕРСТВА

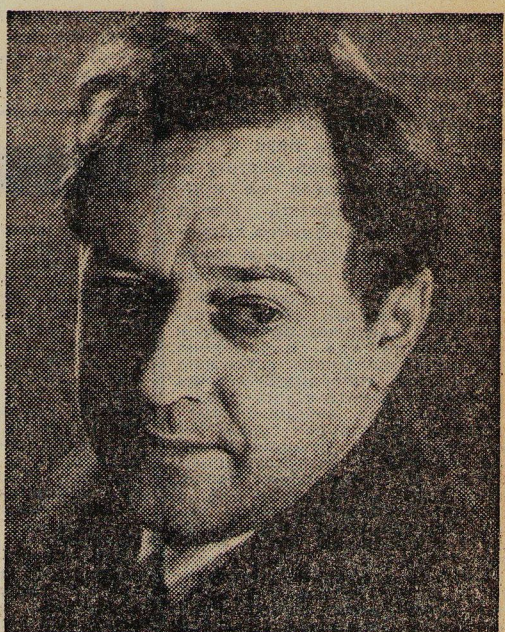
С. Кандилевский, ударник коммунистического труда: — Если в фильме или спектакле играет мой любимый актер Стрельчик, обязательно его смотреть. Сыгранные им роли забыть невозможно.

А. Максимов, руководитель бригады коммунистического труда: — Мы видим Владислава Игнатьевича не только на сцене. Он часто бывает в гостях у нас в цехе. С ним легко и просто. Интересуется нашими делами. Рассказывает о своих.

Г. Попов, председатель цехового комитета: — Меня поражает эрудиция актера. О своем герое он знает все — и эпоху, в которую тот жил, и политическую обстановку того времени, и особенности профессии, и черточки поведения.

Т. Антонова, техник-технолог: — Стрельчик активно помогает нашей художественной самодеятельности.

(Из разговора в цехе № 2 объединения «Ижорский завод»)

ТРУДНО представить себе большую популярность, чем та, которой пользуются актеры. Особенно если они еще снимаются в кино. Говорят, что соперничать с ними могут разве что космонавты. Популярность актеров связана с публичностью их труда. Актеры знают в лицо, знают их голоса, биографии (правда, иной раз версии, легенды биографий, подчас самые неправдоподобные). Переплетаясь в сознании зрителя с персонажами спектаклей, фильмов, актеры как бы входят в его жизнь, оставаясь неотъемлемой частью внутреннего мира.

Владислав Стрельчик. Вспоминаются при этом имени разные моменты из увиденного и услышанного в театре, в кино, по телевидению. Сцены, разговоры:

— Я педагог и здесь, в доме, свой человек. Машины муж... Мама меня любит, моя жена меня любит... — Эти слова Кулыгина из «Трех сестер» произносились актерами разных времен и театров по-разному: жалобно, жалко или напыщенно, картинно. Но всякий раз игрались варианты «обманутого мужа», который до самого последнего момента — прощания Маши с Вершининым — ни о чем не догадывался. Стрельчик нашел свой оттенок этих фраз — он твердит их как заклинания, нашел свою логику поведения Кулыгина. Мешковатый, усталый человек в пенсне, одетый в мундир инспектора гимназии, суетится, хлопочет возле сестер, смешно семенит на цыпочках, спешит услужить — боится, чтобы не прогнали за неужностью. Он все понимает. Но слабый, чтобы бороться, протестовать, вынужден приспосабливаться. К самым нелепым обстоятельствам. Вынужден потому, что искренне привязан к этому холодному для него дому, самоотверженно любит безразличную к нему жену. В спектакле, поставленном Г. Товстоноговым на сцене Академического Большого драматического театра имени А. М. Горького, Кулыгин был единственным человеком, который заботился не о себе, а о других. Смятый и раздавленный, он пытался еще утешать Машу в ее горе. Гримасничал, как шут гороховый, а мы видели его глаза — трагически умные. Они и вся эта стертость человеческая, смятая индивидуальность кричали куда сильнее, чем открытый протест.

...— Едете со мной? В Париж? Подумайте — Париж! Маркизы, графы, бароны — все в красном... — Это уже говорил горьковский Цыганов в «Варварах». Щеголеватый, уверенный в собственной неотразимости, изысканно ироничный, путейский инженер из столицы сначала лениво и откровенно забавлялся зрелищем провинциальной дикости. Цинично демонстрировал приемы «покорения» местных абригенов. Но самым неожиданным для себя образом не на шутку увлеклся Надеждой Монаховой и, получив отпор, с изумлением обнаружил за своей невозмутимой победительностью способность к глубокой драме. И холодный скепсис, и насмешливый взгляд свисаю, и чуть презрительную манеру растягивать слова — все это актер подавал теперь, как маску, позу, как некогда сложившийся, ловко рассчитанный способ укрыться от жизни. Но живая душа оказывалась уязвимой и за позой и под маской. Безнадежная любовь приходила словно расплата за равнодушие, эгоистическое существование...

...— С меня началась профессиональная этика в нашем деле! — патетично провозглашает оценщик мебели в «Цене», мудрый, обаятельный, еще по-старинному церемонный, но уже полуживой девяностолетний Соломон Грегори. Он не просто оценивает вы-

шедшую из моды обстановку чужой квартиры, он приносит в этот дом свои идеальные представления о взаимоотношениях людей.

...Поет, танцует, кокетничает дряхлый князь Пантиашвили. Упоенно, забыв про свои годы, редкие седые кудри, подкашивающиеся ноги. Радует и огорчается, как ребенок, пускаясь в рискованные любовные приключения по наущению авлабарских шустрых свах Кабато и Ханумы. Стрельчик смотрит на своего героя с усмешкой, с иронией и как бы подзадерживает его: ну-ка, ну-ка, что ты еще сможешь? А тот в азарте простоудушно и непосредственно игнорирует все сложности обстоятельств. Сиятельный, но не случайно обнищавший.

...Красив, холоден, замкнут Наполеон в фильме «Война и мир» — фигура по-своему трагическая. Он несет внутри скрытую от посторонних глаз личную человеческую драму: драму постоянной зависимости человека — полководца, государственного деятеля, но прежде всего человека от слишком многих обстоятельств.

А разве можно представить себе иного генерала Ковалевского после того, как Стрельчик сыграл эту роль на экране в телевизионном фильме «Адъютант его превосходительства»? Кажется, будто писатель уже в процессе работы видел того белого генерала, осознающего кризис своих идейных позиций, именно таким — чуть-чуть грузным, сутуловатым штабистом с умным, интеллигентным лицом, мягкими интонациями, с усталым, полным тяжелых сомнений взглядом...

Они западают в память, эти и еще многие другие образы людей, воссозданные на сцене и на экране талантом мастера. Импульсивный пошляк писатель Шалимов в «Дачниках», открытый сердцем председатель колхоза Адриан Фомич в «Трех мешках сорной пшеницы», обворожительно небрежный хищник Беркутов в «Волках и овцах», невозмутимый, меланхоличный сауга Сем в «Пиквикском клубе». Люди, скрывающие себя и выставляющие на показ, герои и злодеи, мученики и победители, униженные и унижающие — их очень много и они разнообразны, как жизнь. Кажется, нет возможности найти в этом пестром мире образов что-то их объединяющее. Тем более что приемы художественного воплощения столь же принципиально различны: здесь и строгие монументальные решения, и углубленное психологическое исследование, и бытовая обстоятельность, и романтическая порывистость, и водеvilная легкость, и резкий гротеск.

Стрельчик любит четкие точные краски, скрупулезно ищет детали поведения, выражающие самую суть характера. Он беспощадно отбрасывает, отсекает все случайное, поверхностное в создаваемом образе. Вот почему так выпуклы, рельефны, почти скульптурно оттранные его лучшие роли. Однако конкретны и правдивы они не только благодаря своей внешней выразительности. Великолепно владея сценическим мастерством, богатейшими средствами актерской техники, Стрельчик не ограничивается созданием характера, он играет судьбу, показывает человека в его многосторонних и разнообразных связях с миром. Ищет социальные корни явления.

НЕЛЕГКО дается испытание славой. Особенно если она приходит рано, да еще опережает значительные достижения. Именно такое испытание выпало на долю Стрельчика. Молодой, красивый, уверенный в себе, он вышел на сцену БДТ в 1947 году, за его плечами к тому времени была студия этого театра и фронтовые дороги, которые он про-

шел в стрелковой дивизии. В плащах и со шпагой, в камзолах и париках он был галантен и обворожителен, искренне, со всей горячностью молодого сердца рассказывал со сцены истории безрассудной и часто трагической любви. Зрители любовались им, критики писали о его «страстном Рюи Блазе», «блестящем Дон Хуане», «томном Флориндо». Но скоро появилась угроза заштамповаться в ролях романтических героев, с их декоративностью поз и живописностью жестов.

И тут надо отдать должное взыскательности молодого актера — он сумел подойти к себе строго, трезво оценить свои работы, круто повернуть творческий путь. Под руководством пришедшего в ту пору в театр Г. А. Товстоногова начался труд ежедневный, упорный, порой изнуряющий — труд над материалом и над своим талантом. Он понял, что природные данные — только основа, что таланту в подпорье нужны еще воля, твердость, граничащая с самозабвением. А это уже характер. Стрельчик заставил характер работать на себя. Это и стало залогом настоящего успеха. На смену эмоциональному порыву пришел анализ.

Он научился проникать в самую глубь души героя, разбираться в причинах и следствиях его поступков. Вот почему созданный им образ поражает. И на следующий день, и через какое-то время неутомимо воскресает в твоей памяти со всеми подробностями. Вот почему помогает зорче видеть жизнь.

Пустой дощечный фат, самоуверенный до наглости Григ в «Безымянной звезде» стал словно вывернутым теперь наизнанку образом героя-любовника. Любовником-злодеем. Усталый, измотанный угрызениями совести, Он (у героя в пьесе «Четвертый» нет имени) уже не демонстрировал поступки, не декларировал чувства, не заставлял любоваться собой, наподобие ранним романтическим героям Стрельчика, а тревожил душу, вовлекая в мучительные размышления о драме приспособленчества, о проблемах ответственности человека.

Его искусство отмечено высокой степенью гражданской активности. Трудно определить какую-то главную тему творчества Стрельчика. Некоторые критики отмечают, что многие герои его так или иначе переживают крах своих иллюзий. Это, наверное, справедливо. Но не это главное. Рассказывая о судьбах своих героев, актер, гражданин, коммунист, он страстно утверждает бессмертие гуманистических ценностей, ведет непрерывный бой за достоинство человека.

ПО народного артиста СССР Владислава Игнатьевича Стрельчика говорят, что он истинный актер, бесконечно приверженный своему призванию. Профессионал самого высокого класса. Его называют «рыцарем актерского ордена». Но большое место в жизни его занимает и общественная работа. Второй раз подряд трудящиеся избрали Владислава Игнатьевича депутатом Ленинградского городского Совета народных депутатов. Заместитель председателя Ленинградского областного ВТО, председатель совета Дворца работников искусств, он энергичен, полон сил и творческих планов. Хлопочет о том, чтобы в актерском клубе всегда было празднично и интересно, заботится о росте мастерства своих коллег — об активной работе творческих секций. Встречается со зрителями не только на спектаклях. Он — почетный член бригады коммунистического труда «Ижорского завода».

Он молод, хотя сегодня ему шестьдесят.

К. КЛЮЕВСКАЯ